Август / сказка

Category: Ertekiler,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Август / сказка АВГУСТ

Впервые сказка напечатана в 1918 году и посвящена друзьям Гессе – Эмилю Мольте (владельцу сигаретной фабрики Вальдорф-Астория) и его жене Берте.

На улице Мостакер жила одна молодая женщина, и отняла у нее злая судьба мужа сразу после свадьбы, и вот теперь, одинокая и покинутая, сидела она в своей маленькой комнатке в ожидании ребенка, у которого не будет отца. Осталась она совершенно одна, и потому все помыслы ее покоились на этом не рожденном еще ребенке, – и чего только не придумывала она для своего дитяти, все самое прекрасное, необыкновенное и чудесное, что есть на свете, сулила она ему. Она воображала, что ее малютка живет в каменном доме с зеркальными окнами и фонтаном в саду и что будет он по меньшей мере профессором, а то и королем.
А по соседству с бедной госпожой Элизабет жил один старик, который лишь изредка выходил из дому и представал тогда маленьким седым гномом с кисточкой на колпаке изеленым зонтом, спицы которого были сделаны из китового уса, как в старину. Дети боялись его, а взрослые считали, что неспроста он сторонится людей. Случалось, что он подолгу никому не попадался на глаза, но порой по вечерам из его маленького ветхого домика доносилась тихая, нежная музыка, напоминавшая звучание целого сонма маленьких хрупких инструментов. Иногда дети, проходя мимо, спрашивали своих матерей, не ангелы ли это поют, или, быть может, русалки, но матери ничего не могли сказать и отвечали: «Нет-нет, это, наверное, музыкальная шкатулка».
Между этим маленьким человечком, которого соседи называли господин Бинсвангер[1] , и госпожой Элизабет завязалась странная дружба. А заключалась странность в том, что хотя они никогда не разговаривали друг с другом, но маленький старый

господин Бинсвангер всякий раз необычайно приветливо здоровался, проходя мимо ее окна, а она с благодарностью кивала ему в ответ, ей было приятно, и оба думали: если мне когда-нибудь станет совсем плохо, то я, конечно, пойду за помощью в соседний дом. А когда начинало смеркаться и госпожа Элизабет сидела одна и грустила об умершем или думала о своем малютке и забывала обо всем на свете, господин Бинсвангер тихонько приоткрывалстворку окна, и из его темной каморки лились тогда тихие серебристые звуки умиротворяющей музыки подобно лунному свету, что струится сквозь сеть облаков. А госпожа Элизабет каждый день ранним утром заботливо поливала старые кусты герани, которые стояли на одном из боковых окон в доме соседа, и они пышно зеленели и были всегда усыпаны цветами, и не было на них ни одного увядшего листочка, хотя господин Бинсвангер совсем не следил за ними.

И вот настала осень; был скверный, ветреный, дождливый вечер, и на улице Мостакер не было ни души; и тут бедная женщина почувствовала, что сроки ее исполнились, и ей стало страшно, потому что была она совершенно одна. Но с наступлением ночи явилась к ней какая-то пожилая женщина со светильником в руках; она нагрела воды, поправила простыни и сделала все, что обычно делается, когда дитя должно появиться на свет. Госпожа Элизабет покорилась и терпеливо молчала; и лишь когда малютка родился и, завернутый в белоснежные пеленки, погрузился в свой первый земной сон, она спросила женщину, откуда та взялась.

«А меня послал господин Бинсвангер», — сказала старуха; и тут усталая родильница заснула, а проснувшись утром, увидела, что на столе стоит кипяченое молоко, что все в комнате чисто убрано, а рядом с него лежит ее маленький сын и кричит от голода; старуха же исчезла. Мать приложила малютку к груди, радуясь, что он такой хорошенький и здоровенький. Она вспомнила его отца, которому никогда не суждено было увидеть сына, и из глаз у нее полились слезы; и она прижала к груди маленького сынишку, и вновь улыбнулась, и заснула вместе со своим мальчиком, а когда проснулась, то на столе снова стояло молоко и был готов суп, а дитя было завернуто в чистые пеленки.

Но скоро мать оправилась, вновь набралась сил и могла уже сама заботиться о себе и о маленьком Августе; она вспомнила, что сына пора крестить и что нет у него крестного. И вот под вечер, когда начало смеркаться и из дома напротив вновь послышалась нежная музыка, она отправилась к господину Бинсвангеру. Она робко постучалась в темную дверь. «Войдите», — раздался приветливый голос, и он вышел ей навстречу, только вот музыка внезапно смолкла, а в комнате на столе стояла маленькая старая настольная лампа и лежала раскрытая книга, — и все было так, как у других людей.

«Я пришла поблагодарить вас, — сказала госпожа Элизабет, — ведь это вы прислали ко мне добрую женщину. Я очень хотела бы заплатить ей за услуги и заплачу, как только смогу работать и получу немного денег. Но сейчас у меня другая забота. Я собираюсь крестить малыша и хочу дать ему имя Август — это имя его отца».

«Да, я уже думал об этом, — сказал сосед и провел рукой по своей седой бороде. — Будет неплохо, если у малыша появится добрый и богатый крестный, который сможет позаботиться о нем, если вдруг с вами что-то случится. Но я всего лишь старый одинокий человек, и у меня почти нет знакомых, и некого мне вам присоветовать, разве что вы захотите взять в крестные меня самого».

Бедная мать обрадовалась и поблагодарила маленького человечка и пригласила его быть крестным. В следующее воскресенье они понесли малютку в церковь и крестили его; и тут вдруг опять появилась та самая старуха и хотела подарить ребенку талер, а когда мать стала отказываться, старуха промолвила: «Возьмите, возьмите, я стара уже, и мне много не надо. Может статься, этот талер принесет вам счастье. А просьбу господина Бинсвангера я выполнила с радостью, ведь мы с ним давние друзья».

Все вместе отправились они домой, и госпожа Элизабет сварила гостям кофе, а сосед принес пирог, и получился у них настоящий праздник. Они ели и пили, малыш давно уже заснул, и тут господин Бинсвангер смущенно сказал: «Что ж, теперь я сделался крестным маленького Августа. Я бы очень хотел подарить ему

королевский замок и мешок с золотом, но всего этого у меня нет, и я могу лишь положить на его постельку второй талер — рядом с талером его крестной матери. Как бы то ни было, я сделаю для него все, что смогу, и да свершится задуманное. Госпожа Элизабет, вы, конечно, желаете своему сыночку только добра. Поразмыслите хорошенько, чего вы больше всего хотите для него, а я уж позабочусь о том, чтобы ваша мечта осуществилась. Вы можете загадать для своего мальчика любое желание, но только одно, одно-единственное. Взвесьте все как следует и сегодня вечером, когда вы услышите звуки моей музыкальной шкатулки, шепните это желание на ушко вашему малышу — и оно исполнится».

С этими словами он поспешно откланялся, вместе с ним ушла и старуха, а госпожа Элизабет осталась одна, услышанное поразило ее, и, если бы в колыбельке не лежали два талера, а на столе не стоял пирог, — она решила бы, что все это ей приснилось. И вот села она у колыбельки и принялась баюкать свое дитя и замечталась, придумывая желания — одно заманчивее другого. Сначала она хотела пожелать ему богатства, потом — красоты, потом — недюжинной силы или необычайной мудрости, но все не могла ни на чем остановиться и наконец подумала: да нет, старичок, наверное, просто пошутил.

Тем временем уже стемнело, и она задремала, сидя у колыбели, утомясь и от гостей, и от забот минувшего дня, и от своих раздумий, как вдруг донеслась из дома по соседству тихая, чудесная музыка, да такая нежная и пленительная, какой ей ни разу не доводилось слышать. При этих звуках госпожа Элизабет очнулась, пришла в себя, теперь она уже снова верила в крестного и его подарок, но чем больше она думала об этом и чем быстрее сменяли друг друга разные желания, тем больше путались ее мысли, и она ни на что не могла решиться. Она совершенно измучилась, слезы стояли у нее в глазах, но тут музыка стала затихать, и она подумала, что если сию минуту не загадает желание, то будет поздно и.тогда все пропало.

Она тяжело вздохнула, наклонилась над малышом и шепнула ему на ушко: «Сыночек мой, я тебе желаю, я желаю тебе…» — и когда прекрасная музыка, казалось, совсем уже стихла, она испугалась

и быстро проговорила: «Желаю тебе, чтобы все-все люди тебя любили».
Звуки музыки смолкли, и в темной комнате стояла мертвая тишина. Она же бросилась к колыбели, и заплакала, и запричитала в страхе и смятении: «Ах, сыночек, я пожелала тебе самое лучшее, что я знаю, но, может быть, я все же ошиблась? Ведь даже если все-все люди будут тебя любить, никто не будет любить тебя сильнее матери».
И вот Август стал подрастать и ничем поначалу не отличался от других детей; это был милый белокурый мальчик с голубыми дерзкими глазами, которого баловала мать и любили все вокруг. Госпожа Элизабет очень скоро заметила, что желание, загаданное ею в день крещения младенца, сбывается, ибо едва только мальчик выучился ходить и стал появляться на улице, то он всем людям, которые видели его, казался на редкость красивым, смелым и умным, и каждый здоровался с ним, трепал по щеке, выказывая свое расположение. Молодые матери улыбались ему, пожилые женщины дарили яблоки, а если он совершал гадкий поступок[2] , никто не верил, что он мог такое сотворить, если же вина его была неоспорима, люди пожимали плечами и говорили: «Невозможно всерьез сердиться на этого милого мальчика».
К его матери приходили люди, которых привлекал хорошенький мальчик, и если раньше ее никто не знал и мало кто шил у нее, то теперь все знали ее как мать «того самого» Августа и покровителей у нее стало гораздо больше, чем она могла вообразить себе когда-то.
И ей и мальчику жилось хорошо, и куда бы они ни приходили, всюду им были рады, соседи приветливо кивали им и долго смотрели вслед счастливцам.
Августа больше всего на свете привлекал дом по соседству, где жил его крестный: тот время от времени звал его по вечерам к себе; у него было темно, и только в черной нише камина тлел маленький красный огонек, и маленький седой старичок усаживался с ребенком на полу на шкуре, и смотрел вместе с ним на безмолвное пламя, и рассказывал ему длинные истории. И порой, когда такая вот длинная история близилась к концу, и малыш совсем уже засыпал, и в темной тишине, с трудом открывая

слипающиеся глаза, всматривался в огонь, — тогда возникала из темноты музыка, и если оба долго молча вслушивались в нее, то комната внезапно наполнялась невесть откуда взявшимися маленькими сверкающими младенцами, они кружили по комнате, трепеща прозрачными золотистыми крылышками, сплетаясь в прекрасном танце в пары и хороводы, и пели; они пели, и сотни голосов сливались в единую песнь, полную радости и красоты. Прекраснее этого Август никогда ничего не видел и не слышал, и если он потом вспоминал о своем детстве, то именно тихая, сумрачная комната старичка крестного, и красное пламя камина, и эта музыка, и радостное, золотое, волшебное порхание ангелочков всплывали в его памяти и пробуждали тоску в его сердце.

Между тем мальчик подрастал, и у матери теперь бывали иногда минуты, когда она печалилась, вспоминая о той самой ночи после крещения сына. Август весело носился по окрестным переулкам, и ему везде были рады, его щедро одаривали орехами и грушами, пирожными и игрушками, его кормили и поили, сажали на колени, позволяли рвать цветы в саду, и нередко он возвращался домой лишь поздно вечером и недовольно отодвигал в сторону тарелку с супом. Если же мать была расстроена этим и плакала, ему становилось скучно, и он с обиженным видом ложился спать; а когда она как-то раз отругала и наказала его, он поднял страшный крик и повторял, что все-все с ним добры и милы, одна только мать его не любит. И часто теперь она бывала огорчена и иногда всерьез гневалась на своего мальчика, но, когда вечером он уже спал в мягких подушках и мерцание свечи озаряло безмятежное лицо ребенка, ее сердце смягчалось, и она целовала его — осторожно, чтобы не разбудить. Она сама виновата была в том, что Август нравился всем людям, и подчас она с горечью и даже с каким-то страхом думала о том, что, может быть, было бы лучше, если бы она никогда не загадывала этого желания.

Однажды стояла она у окна дома господина Бинсвангера, уставленного геранями, и срезала маленькими ножничками увядшие цветы, и вдруг услышала голос своего сына, доносящийся с заднего двора. Она выглянула из-за угла, чтобы узнать, что там такое. Ее сын стоял, прислонившись к стене, и она видела его

красивое, слегка капризное лицо, а перед ним стояла девочка, старше него, она смотрела на него с мольбой и говорила: «Пожалуйста, поцелуй меня!»
— Не хочу, — сказал Август и засунул руки в карманы.
— Ну я прошу тебя, — снова сказала она, — а я тебе кое-что дам, очень хорошее.
— А что? — спросил мальчик.
— У меня есть два яблока, — робко сказала она.
Но он отвернулся и скорчил недовольную гримасу.
— Яблоки л вообще не люблю, — презрительно сказал он и хотел было убежать прочь.
Но девочка схватила его за руку и проговорила в надежде подольститься к нему:
— Ну и что, а у меня зато колечко есть, очень красивое.
— А ну, покажи! — сказал Август.
Она показала ему колечко, он придирчиво осмотрел его, стянул с ее пальчика и надел на свой, затем полюбовался им на свету и остался очень доволен.
— Ладно, так и быть, один раз я тебя поцелую, — сказал он немного погодя и быстро поцеловал девочку в губы.
— Пойдем, поиграем вместе! — доверчиво сказала она и взяла его под руку.
Но он оттолкнул ее и грубо крикнул:
— Отстанешь ты от меня или нет! У меня и без тебя много знакомых, с которыми можно поиграть.
Пока девочка, заливаясь слезами, медленно шла по двору, мальчик стоял с сердитым скучающим видом, потом повертел кольцо у себя на пальце, рассмотрел его со всех сторон и, насвистывая, медленно пошел прочь.
А его мать стояла, не шевелясь, с садовыми ножницами в руках; она была напугана жестокостью и презрением, с которым ее дитя принимало любовь других людей. Она забыла про цветы и стояла, качая головой, и все повторяла про себя: «Какой же он злой, у него каменное сердце».
Но в скором времени, когда Август пришел домой и она призвала его к ответу, он со смехом посмотрел на нее голубыми глазами, не чувствуя за собой никакой вины, а затем принялся что-то

напевать, стал ластиться к матери и был так мил, забавен и нежен с нею, что она тоже невольно рассмеялась и подумала, что не ко всему в детской жизни следует относиться так серьезно.
Между тем мальчику не всегда сходили с рук его каверзы. Крестный Бинсвангер был единственным человеком, к которому он питал почтение, и если порой он приходил к нему, а крестный говорил: «Сегодня огонь в камине не горит и не звучит музыка, а маленькие ангелочки очень огорчены, потому что ты поступил нехорошо», — тогда мальчик уходил, бросался на постель и плакал, а на следующий день изо всех сил старался быть хорошим и добрым.
Но как бы то ни было, огонь в камине горел все реже и реже, ни слезы, ни ласки не помогали, крестный был неумолим. Когда Августу сровнялось двенадцать лет, волшебный полет ангелочков в комнате крестного превратился уже в далекий сон, и если ночью ему снилось что-нибудь подобное, на следующий день его особенно одолевала ярость, и он громко кричал и командовал своими многочисленными приятелями налево и направо, точно полководец.
Его матери давно уже надоело слышать ото всех похвалы своему мальчику — мол, какой он нежный да ласковый, — слишком много приходилось ей терпеть от него. И когда в один прекрасный день его учитель пришел к ней и поведал, что некий человек изъявил готовность снарядить мальчика в дальние края, в хорошую школу, и платить за его учение, — госпожа Элизабет посоветовалась с соседом, и в скором времени, весенним утром, к дому подкатила коляска, и Август, в новом, красивом платье, сел в нее и пожелал счастливо оставаться и своей матери, и крестному, и соседям: ведь ему было дозволено ехать в столицу — на учение. Мать в последний раз причесала его белокурые волосы и благословила его, лошади тронулись, и Август отбыл в дальние края.
Прошли годы, юный Август сделался уже студентом, носил красную фуражку и усы; и вот однажды пришлось ему снова оказаться в родных местах, потому что из письма крестного он узнал, что мать его тяжело больна и долго не проживет. Юноша приехал вечером, и соседи с восхищением наблюдали, как он выбирается

из коляски и как кучер несет за ним большой кожаный чемодан. А умирающая мать лежала в старой комнатушке с низкими потолками, и когда красавчик студент увидел в белых подушках ее белое увядшее лицо, а она лишь безмолвно и тихо смотрела на него, — тогда он с рыданиями опустился на край ложа, и целовал холодные руки матери, и простоял около нее на коленях всю ночь, пока руки ее не окоченели и глаза не угасли.

А когда они похоронили его матушку, крестный взял его за руку и повел в свой домишко, который казался теперь молодому человеку еще меньше и темнее, и лишь от маленьких окон шел едва заметный свет; и тут маленький старичок слегка пригладил костлявыми пальцами свою седую бороду и сказал Августу: «Я зажгу огонь в камине, тогда мы обойдемся без лампы. Я ведь знаю, завтра ты уезжаешь, а теперь, когда матушки твоей уже нет в живых, мы с тобой не так-то скоро увидимся».

Говоря все это, он развел огонь в камине, придвинул поближе свое кресло, а студент — свое, и вот опять они сидели долго-долго и все смотрели на тлеющие угли, и, когда пламя почти угасло, старик тихо проговорил: «Прощай, Август, я желаю тебе добра. У тебя была замечательная мать, и ты даже не подозреваешь, что она для тебя сделала. Я бы с радостью еще разок позабавил тебя музыкой и показал тебе маленьких ангелочков, но ты ведь сам знаешь, что это невозможно. И все-таки ты должен всегда помнить о них и знай, что однажды они вновь запоют и, может статься, ты их снова услышишь, если пожелает этого твое сердце, исполненное одиночества и тоски. А теперь дай мне руку, мой мальчик, я ведь стар, и сейчас мне пора уже на покой».

Август протянул ему руку, он не мог вымолвить ни слова, с печалью в сердце вернулся он в свой опустевший дом и в последний раз лег спать в комнате своего детства, и, когда он уже засыпал, где-то совсем далеко послышалась ему тихая, сладостная музыка минувших лет. Наутро он уехал, и долгое время никто ничего не слыхал о нем.

Вскоре он позабыл и крестного Бинсвангера, и его ангелочков. Кипучая жизнь бурлила вокруг него, и он плыл по ее волнам. Никто на свете не умел так лихо проскакать по гулким переулкам

и насмешливым взором окинуть глазеющих на него девиц, никто не умел так легко и грациозно танцевать, так ловко восседать на козлах, так буйно и безалаберно прокутить в саду всю длинную летнюю ночь напролет. Одна богатая вдова, любовником которой он был, давала ему деньги, платье, лошадей и все, чего только он желал; с нею он ездил в Париж и Рим, спал в ее устланной шелками постели, но сам он был влюблен в хрупкую белокурую дочку одного бюргера. Пренебрегая опасностью, встречался он с нею по ночам в саду ее отца, а она писала ему длинные страстные письма, когда он бывал в отъезде.

Но однажды он не вернулся. Он нашел в Париже новых друзей, и, поскольку богатая любовница ему надоела, а занятия в университете давно наскучили, он остался в чужих краях и зажил так, как это принято в высшем свете: завел лошадей, собак, женщин, проигрывался в пух, а потом срывал большие куши; и повсюду находились люди, которые бегали за ним, как преданные псы, угождали ему, а он только улыбался и принимал все это как должное, — так, как некогда взял он кольцо у маленькой девочки. Колдовская сила материнского желания горела у него в глазах, сияла на губах, женщины любили его, друзья обожали, и никто не видел — да и сам он едва ли чувствовал, — как сердце его опустошается и черствеет, в то время как душа изъедена тяжким недугом. Порой ему надоедала эта всеобщая любовь и, переодевшись в чужое платье, он отправлялся странствовать по чужим городам и повсюду обнаруживал, что люди глупы и слишком уж легко покоряются ему, и повсюду смешной казалась ему любовь, которая так упорно преследовала его и довольствовалась столь малым. Отвращение вызывали у него женщины и мужчины, у которых недостает гордости, и целыми днями бродил он в одиночестве вместе со своими собаками далеко в горах, по диким охотничьим тропам, и какой-нибудь олень, которого он выследил и подстрелил, приносил ему больше радости, чем любовь красивой избалованной женщины.

И вот однажды, путешествуя морем, он увидал молодую жену посланника, строгую стройную даму, высокородную уроженку северных краев; она стояла среди других благородных дам на удивление отчужденно, гордо и замкнуто, как будто здесь ей не

было равных, и, когда он увидел ее и как следует разглядел, когда заметил, что взор ее и по нему скользнул, казалось, лишь бегло и равнодушно, он почувствовал, что такое любовь, — и он решил во что бы то ни стало завоевать ее любовь; и с той поры неизменно, дни напролет был рядом с нею — так, чтобы она всегда его видела, а поскольку он сам постоянно окружен был восторженными поклонниками и поклонницами, которые искали его общества, то вместе со своей прекрасной гордячкой оказывался в центре всего блестящего общества и стоял, словно князь со своей княгиней, и даже муж северной красавицы отличал его среди прочих и силился понравиться ему.

Ни разу не удавалось ему оказаться наедине с незнакомкой, пока в одном из южных портовых городов все общество не сошло с корабля, чтобы несколько часов побродить по чужому городу и вновь ощутить под ногами твердую землю. Он не отставал от своей возлюбленной, и наконец ему удалось задержать ее, увлеченную беседой, в пестрой толпе на рыночной площади. Бесчисленное множество узких, глухих переулков выходило на эту площадь, в один из таких переулков он и привел ее, а она доверчиво шла за ним, но, когда она вдруг почувствовала, что осталась с ним одна, и испугалась, не находя вокруг себя привычного общества, он в пламенном порыве повернулся к ней, сжал ее дрожащую ручку и стал умолять остаться на берегу и бежать вместе с ним.

Незнакомка побледнела и не поднимала на него глаз. «О, вы ведете себя не по-рыцарски, — тихо сказала она. — Давайте забудем то, что вы только что сказали!»

«Я не рыцарь, — воскликнул Август, — я влюблен, а влюбленный не знает ничего, кроме своей возлюбленной, и у него одна мечта — быть рядом с нею. О прекрасная моя, останься со мной, мы будем счастливы».

Ее серо-голубые глаза смотрели на него строго и осуждающе. «Откуда вам стало известно, — жалобно прошептала она, — что я люблю вас? Я не могу молчать: вы нравитесь мне, и в мечтах я часто представляла вас своим мужем. Потому что вы первый, кого я полюбила по-настоящему, всем сердцем. Ах, оказывается, любовь может так страшно ошибаться! Разве могла я подозревать,

что способна полюбить человека недоброго и испорченного! Но в тысячу раз сильнее во мне желание остаться с моим мужем, которого я почти не люблю, — но он рыцарь и знает, что такое честь и благородство, которые вам неведомы. А теперь прошу вас не говорить мне больше ни слова и доставить меня обратно на корабль, иначе я позову на помощь посторонних, чтобы спастись от вашей дерзости».

И как он ни молил, как ни скрежетал зубами от отчаяния, она уже отвернулась от него и так бы и ушла одна, если бы он молча не нагнал ее и не проводил на корабль. Затем он приказал выгрузить свои чемоданы на берег, ни с кем не попрощался и исчез.

С тех пор счастье отвернулось от всеобщего любимца. Добродетель и честность сделались ему ненавистны, и он топтал их ногами и находил особое удовольствие в том, чтобы совращать добродетельных женщин, употребляя все искусство своей чарующей силы, или беззастенчиво пользовался добротой преданных ему честных людей, которых он быстро завоевывал, а потом издевательски бросал. Он делал несчастными женщин и девушек, а затем предавал их всеобщему позору, он выбирал себе юношей из самых именитых домов и совращал их. Не было такого наслаждения, к которому бы он не стремился и не испытал на себе, не было такого порока, которому бы он не предался и которым бы не насытился. Но никогда уже не наполнялось радостью его сердце, а на любовь, которую все предлагали ему, ничто не отзывалось в его душе.

В прекрасном загородном доме у моря жил он, мрачный и всем недовольный, и мучил самыми безобразными выходками женщин и друзей, которые к нему приходили. Ему хотелось унижать людей так, чтобы они чувствовали все его презрение к ним; он пресытился и тяготился той непрошеной, нежеланной, незаслуженной любовью, которой он был окружен, он ощущал никчемность своей попусту растраченной жизни, которая никогда не отдавала, а только брала. Иногда он заставлял себя долгие дни обходиться без пищи, чтобы хоть раз вновь ощутить настоящий голод и испытать потребность в насыщении.

И вот с некоторых пор прошел среди его друзей слух, что он

болен и нуждается в покое и одиночестве. Приходили письма, которых он не читал, обеспокоенные люди справлялись у прислуги о его здоровье. Он же сидел один в своем доме у моря, погруженный в угрюмую печаль, жизнь его лежала позади, пустая и разоренная, бесплодная и бесчувственная, без единого следа любви, подобная серым соленым мертвым волнам морской пучины. И мерзок был вид этого человека, сидящего в кресле у высокого окна и сводящего счеты с самим собой. Белые чайки, влекомые береговым ветром, проносились мимо, он следил за ними пустым взглядом, лишенным всякой радости и всякого интереса. Лишь губы его покривились в жесткой и злой усмешке, когда он все обдумал и позвонил камердинеру. И вот велел он пригласить всех своих друзей в определенный день на праздник; но не пировать он собирался, в его издевательский замысел входило напугать приглашенных видом пустого дома и своего собственного трупа. Ибо он решил принять яд и покончить с собой.

Вечером перед задуманным праздником он отпустил всю прислугу, и наконец тихо сделалось в просторных комнатах, и он направился в спальню, подмешал сильного яду в стакан кипрского вина и поднес его к губам.

Но не успел он сделать первый глоток, как в дверь постучали, и, поскольку он не ответил на стук, дверь тихонько отворилась и в комнату вошел маленький старичок. Подошел он к Августу, бережно взял у него из рук полный стакан и проговорил хорошо знакомым голосом: «Добрый вечер. Август, как поживаешь?»

Застигнутый врасплох Август, рассерженный и смущенный одновременно, язвительно усмехнулся и сказал: «Господин Бинсвангер, разве вы еще живы? Давненько мы не виделись, а вы, кажется, нисколько не постарели? Но сейчас, любезнейший, вы мне очень помешали, я устал сегодня и как раз собирался принять снотворное».

«Да, я вижу, — спокойно отвечал крестный. — Ты хотел принять снотворное, и правильно — это единственный напиток, который еще может тебе помочь. Но прежде мы с тобой немножко поболтаем, мальчик мой, — кстати, я немного утомился с дороги и думаю, что не прогневаю тебя, если освежусь глоточком из твоего стакана».

С этими словами он взял стакан и поднес к губам, и не успел Август его остановить, как старик осушил его одним глотком.
Август побледнел как полотно. Он ринулся к крестному, принялся трясти его за плечи и пронзительно закричал: «Дорогой мой, знаешь ли ты, что ты выпил?»
Господин Бинсвангер кивнул своей умной седой головой и улыбнулся: «Да, это кипрское вино, да и недурное, сколько я могу судить. Похоже, живешь ты безбедно. Но у меня мало времени, и я не собираюсь долго тебя задерживать, если ты согласишься меня выслушать».
Август, совершенно сбитый с толку, с ужасом смотрел в светлые глаза крестного и каждую секунду ожидал, что тот свалится замертво.
Крестный тем временем устроился поудобнее на стуле и добродушно подмигнул своему молодому другу.
«Ты опасаешься, что глоток вина мне повредит? Не беспокойся! Как мило с твоей стороны, что ты печешься обо мне, вот уж никак не ожидал. Но давай-ка побеседуем, как в добрые старые времена! Сдается мне, что ты уже по горло сыт легкой жизнью? Я тебя понимаю, и, когда я уйду, ты можешь, кстати, снова наполнить свой стакан и выпить его. Но прежде я хочу кое-что тебе рассказать».
Август прислонился к стене и вслушивался в мягкий, приятный голос древнего старичка, который знаком был ему с первых лет жизни и пробуждал тени прошлого в его душе. Стыд и скорбь глубоко проникли в его сердце, словно он заглянул в глаза своему невинному детству.
«Я выпил яд из твоего стакана, – продолжал старик, – потому что только я повинен в твоем несчастье. Твоя мать, заботясь о твоем будущем, загадала одно желание, когда крестила тебя, глупое желание, но я постарался исполнить его ради нее. Тебе ни к чему знать, что это за желание, но оно сделалось твоим проклятьем, да ты и сам это почувствовал. Мне жаль, что так получилось. Ты знаешь, я был бы очень рад, если бы мне привелось дожить до того дня, когда ты вместе со мною сядешь у камина и вновь услышишь пение ангелов. Это очень нелегко, и сейчас тебе, наверное, кажется невероятным, что твое сердце

станет вновь здоровым, чистым и радостным. Но ничего невероятного в этом нет, и я лишь прошу тебя – попробуй! Желание твоей бедной матери не принесло тебе счастья, Август. Позволь мне выполнить для тебя еще одно желание! Ты не пожелаешь ни денег, ни ценностей; и ни власть, ни женская любовь тебе тоже не нужны, ты ведь пресытился ими. Подумай хорошенько, и если тебе покажется, что ты знаешь то волшебное средство, которое способно исправить твою разбитую жизнь и вернуть тебе радость, – тогда загадай свое желание!»

Погруженный в глубокое раздумье, молча сидел Август и наконец спустя некоторое время сказал: «Благодарю тебя, крестный, но я думаю, что из осколков разбитой моей жизни уже не склеить прекрасный сосуд. Лучше будет, если я исполню то, что задумал. Но я благодарю тебя за твой приход».

«Конечно, – задумчиво произнес старик, – я хорошо понимаю, каково тебе. Но, может быть, ты найдешь в себе силы, Август, и обдумаешь все еще раз, и догадаешься, чего тебе больше всего не хватало, или, быть может, тебе вспомнятся прежние времена, когда матушка твоя была еще жива и ты иногда по вечерам приходил ко мне. Ведь ты бывал тогда счастлив, разве нет?»

«Да, я помню, – кивнул Август, и картины лучезарного утра его жизни поплыли перед ним, далекие и туманные, как в старинном тусклом зеркале. – Но прошлое не вернуть. Я же не могу пожелать снова превратиться в маленького мальчика. Да, вот тогда можно было бы начать все сызнова!»

«Нет, это глупо, ты прав. Но попробуй еще раз вспомнить о часах, проведенных у меня дома, и о бедной девушке, с которой ты по ночам встречался в саду, когда был студентом, и о той прекрасной белокурой даме, с которой ты когда-то путешествовал вместе по морю; вспомни все те мгновения, когда ты был счастлив и когда жизнь казалась тебе стоящим делом. И тогда ты, может быть, поймешь, что же делало тебя счастливым, и сможешь загадать свое желание. Сделай это для меня, мой мальчик!»

Август закрыл глаза и постарался вглядеться в свою минувшую жизнь так, как вглядываемся мы из темноты узкого, длинного коридора в тот крохотный уже квадратик света, который

обозначает выход; и вновь увидел он, как светло и прекрасно было все некогда в его жизни и как постепенно тьма все сгущалась и сгущалась вокруг него, пока он наконец не оказался в полном мраке, лишенный всякой радости. И чем дольше он думал и припоминал, тем прекраснее, и милее, и желаннее казался ему далекий маленький светлый квадратик, и наконец он понял, что это такое, и слезы хлынули у него из глаз.

«Я попробую, — сказал он крестному. — Сними с меня прежние чары, которые мне не помогли, и сделай так, чтобы я сам наполнился любовью к людям!»

Обливаясь слезами, опустился он на колени перед своим старым другом и, склоняясь перед ним, вдруг почувствовал, как, мучительно ища забытых слов и жестов, пылает в нем любовь к этому старику. Крестный же, этот тщедушный старикашка, бережно взял его на руки, перенес на ложе, уложил и отер пот с его разгоряченного лба.

«Все хорошо, — тихо прошептал он, — все хорошо, дитя мое, у тебя все будет хорошо».

Тут Август почувствовал, как тяжелая усталость навалилась на него, будто в одно мгновение он постарел на много лет, и тут он погрузился в глубокий сон, а старик тихонько удалился из заброшенного дома.

Август пробудился от неистового шума, который гулко отзывался во всем доме, а когда он поднялся и отворил дверь в соседнюю комнату, то обнаружил, что гостиная и все прочие покои полны его прежними друзьями, которые явились на праздник и увидели, что дом пуст. Все были огорчены и задеты, и он пошел к ним навстречу, чтобы, как прежде, улыбкой и шуткой вернуть их расположение, но внезапно почувствовал, что утратил власть над ними. Едва они заметили его, как тотчас обрушились на него с упреками, когда же он беспомощно улыбнулся и, как бы ища поддержки, протянул руки им навстречу, они яростно накинулись на него.

«Эй ты, мошенник, — вопил один, — где деньги, которые ты мне задолжал?» Другой кричал: «А где лошадь, которую я тебе на время дал?» А одна прелестная разъяренная дама пеняла ему: «Всему свету известны теперь мои секреты, которые ты

разболтал. О, как я ненавижу тебя, трус несчастный!» Юноша с глубоко запавшими глазами и искаженным от злобы лицом кричал: «Знаешь ли ты, что ты со мной сделал, дьявол проклятый, гнусный развратник?»

Обвинениям не было конца, и каждый старался полить его грязью, и все говорили правду, и многие из них сопровождали свои слова пинками, а когда они ушли, разбив по пути зеркало и прихватив с собой ценные вещи, Август поднялся с пола, избитый и обесчещенный, и когда он вернулся в спальню и глянул в зеркало, собираясь умыться, то из зеркала смотрело на него увядшее безобразное лицо, красные глаза слезились, а из ссадины на лбу сочилась кровь.

«Это возмездие», — сказал он сам себе и смыл с лица кровь, но не успел он хоть немного прийти в себя, как в доме вновь поднялся переполох, по лестницам к нему взбирались: ростовщики, которым он заложил дом, некий супруг, жену которого он соблазнил, отцы, сыновей которых он вовлек в порок и сделал несчастными, уволенные им слуги; в дом ворвались полицейские и адвокаты, и час спустя он сидел уже в специальной карете, и его везли в тюрьму. Люди что-то выкрикивали ему вслед и пели о нем похабные песни, а какой-то уличный мальчишка бросил через окно кареты ком грязи прямо ему в лицо.

И теперь гнусные дела этого человека были у всех на устах, и слухи о них заполонили весь город, где все его прежде знали и любили. Его обвиняли во всех мыслимых пороках, и он ничего не отрицал. Люди, о которых он и думать забыл, являлись в суд и рассказывали о преступлениях, которые он совершил несколько лет назад; слуги, которым он щедро платили которые вдобавок обкрадывали его, смаковали подробности его порочных увлечений, и на лице каждого читалось отвращение и ненависть; и не было человека, который заступился бы за него, похвалил бы его, простил, кто сказал бы о нем доброе слово.

Он вытерпел все, он покорно шел за стражниками в камеру и покорно стоял перед судьей и свидетелями; с удивлением и печалью устало смотрел он на все эти злобные, возмущенные лица и в каждом из них за маской ненависти и уродства видел тайное

очарование любви, и сияние доброты было в каждом сердце. Все они некогда любили его, он же не любил никого, а теперь он прощал их всех и пытался найти в своей памяти хоть что-нибудь хорошее о каждом из них.

В конце концов его заточили в тюрьму, и никто не имел права навещать его; и вот в лихорадочном бреду он вел беседы со своей матушкой, и со своей первой возлюбленной, и с крестным Бинсвангером, и с северной красавицей, а когда приходил в себя и целыми днями сидел, одинокий и всеми покинутый, то его терзали все муки ада, он изнемогал от тоски и заброшенности и мечтал увидеть людей — с такой страстью и силой, с какими не жаждал ни одного наслаждения и ни одной вещи.

Когда же его выпустили из тюрьмы, он был уже стар и болен, и никто вокруг не знал его. Все в мире шло своим чередом; в переулках гремели повозки, скакали всадники, прогуливались прохожие, продавались фрукты и цветы, игрушки и газеты, и только Августа никто не замечал. Прекрасные дамы, которых он когда-то, упиваясь музыкой и шампанским, держал в своих объятьях, проезжали мимо него, и густое облако пыли, вьющееся позади экипажей, скрывало их от Августа.

Однако ужасная пустота и одиночество, от которых задыхался он в разгар самой роскошной жизни, полностью покинули его. Когда он подходил к воротам какого-нибудь дома, чтобы ненадолго укрыться от палящего солнца, или просил глоток воды на заднем дворе, то с удивлением видел, с какой враждебностью и с каким раздражением обходились с ним люди, — те самые люди, которые прежде благодарным сиянием глаз отвечали на его строптивые, оскорбительные или равнодушные речи.

Его же теперь радовал, занимал и трогал любой человек; он смотрел, как дети играют и как они идут в школу, — и любил их, он любил стариков, которые сидели на скамеечках перед своими ветхими домишками и грелись на солнце. Когда он видел молодого парня, который влюбленными глазами провожал девушку, или рабочего, который, вернувшись с работы, брал на руки своих детей, или умного, опытного врача, который проезжал мимо него в карете, погруженный в мысли о своих больных, или даже — бедную, худо одетую уличную девку, которая где-нибудь на

окраине стояла под фонарем и приставала к прохожим и даже ему, отверженному, предлагала свою любовь, — и вот, когда он встречался с ними со всеми, — все они были для него братья и сестры, и каждый нес в своей груди воспоминание о любимой матери и о своем лучезарном детстве или тайный знак высокого и прекрасного предназначения и казался ему необыкновенным, и каждый привлекал его и давал пищу для размышлений, и ни один не был хуже его самого.

Август решил пуститься, в странствия по свету и найти такой уголок, где он смог бы принести пользу людям и доказать свою любовь к ним. Ему пришлось привыкнуть к тому, что вид его уже никого не радовал: щеки его ввалились, одет он был как нищий, и ни голос, ни походка его не напоминали уже никому того, прежнего Августа, который некогда радовал и очаровывал людей. Дети боялись его, их пугала его длинная свалявшаяся седая борода, чисто одетая публика сторонилась его, словно опасаясь запачкаться, а бедные не доверяли ему, чужаку, который мог отнять у них последний кусок хлеба. Но он научился никогда не отчаиваться, да и не позволял себе этого. Он замечал, что маленький мальчик тщетно пытается дотянуться до дверной ручки в кондитерской, — вот тут он мог прийти на помощь. А иногда ему попадался человек, который был еще несчастнее его самого, какой-нибудь слепой или увечный, которому он мог подать руку или еще чем-нибудь помочь. А если и этого не доставалось ему на долю, он с радостью отдавал то немногое, что имел, — ясный, открытый взгляд, доброе слово, улыбку понимания и сочувствия. Своим собственным умом и опытом дошел он до особого умения — угадывать, чего ждут от него люди и что может принести им радость: одному хотелось услышать звонкие радостные слова привета, другому хотелось молчаливого участия, третьему же — чтобы его оставили в покое и не мешали. И каждый день ему приходилось удивляться, сколько бед и несчастий на свете и как тем не менее легко принести людям радость; и с восторгом и счастьем он вновь и вновь наблюдал, как рядом со страданием живет веселый смех, рядом с погребальным звоном — детская песенка, рядом с нуждой и подлостью — достоинство, остроумие, утешение, улыбка.

И казалось ему теперь, что жизнь человеческая сама по себе замечательна. Когда ему навстречу из-за угла неожиданно выскакивала стайка школьников — какая отвага, какая юная жажда жизни, какая молодая прелесть блестела в их глазах; пускай эти сорванцы дразнят его и смеются над ним — это ничего, что тут плохого, он и сам готов был их понять, когда видел свое отражение в витрине или в воде колодца, — ведь он и вправду был смешным и убогим на вид. Нет, теперь ему вовсе не хотелось понравиться людям или испытать свою власть над ними — эту чашу он уже испил до дна. Для него было теперь возвышающим душу наслаждением наблюдать, как другие стремятся идти и идут тем путем, которым некогда шел он сам, видеть, с каким пылом, с какой дерзкой силой и радостью сражаются люди, чтобы добиться своей цели, — все это было для него необыкновенным спектаклем.

Между тем настала зима, а за нею снова лето; Август заболел и долгие дни провел в лечебнице для бедных, где испытал тихое и благодарное счастье, когда видел, как бедные, униженные люди хватаются за жизнь, напрягая все свои силы, собирая всю свою волю к жизни, — и побеждают смерть. Как величественно было это зрелище — спокойное терпение на лице тяжелобольного и светлая радость жизни, озаряющая лицо исцеленного, и прекрасны были спокойные, исполненные достоинства лица умерших, но чудеснее всего были любовь и терпение милых опрятных сиделок. Потом и эта пора миновала, задул осенний ветер, и Август продолжил свой путь; он спешил дальше, навстречу зиме, и странное нетерпение овладело им, когда он заметил, до чего медленно продвигается вперед, а ведь ему хотелось побывать всюду и еще многим-многим людям заглянуть в глаза. Голова его поседела, глаза робко улыбались из-под красных больных век, постепенно слабела память, и ему казалось теперь, что всегда он видел мир так, как видит сейчас; но он был доволен жизнью и считал, что в мире все прекрасно и достойно любви.

И вот с наступлением зимы добрался он до одного города; по темным улицам мела метель, и парочка заигравшихся допоздна мальчишек принялась кидаться снежками в странника, но больше ничто не нарушало вечерней тишины. Август очень устал и, блуждая, попал наконец в какой-то узкий переулок, и показался

ему этот переулок издавна знакомым, потом свернул он в другой переулок — и очутился перед домом своей матери, а по соседству увидел дом крестного Бинсвангера; маленький и ветхий, стоял этот домишко в холодной, снежной замети, и горело у крестного окно, и красноватый свет его мирно сиял в зимней ночи.

Август отворил входную дверь и постучал, и маленький старичок вышел ему навстречу и молча провел его в свою комнату, и было там тепло и покойно, и маленький ясный огонек пылал в камине.

— Ты голоден? — спросил крестный. Но Август не чувствовал голода, он только улыбнулся и покачал головой.

— Но ты ведь устал, я знаю, — сказал тогда крестный и расстелил на полу старую шкуру, и два старика уселись на нее друг подле друга и стали смотреть в огонь.

— Долго же ты добирался сюда, — сказал крестный.

— Зато это был замечательный путь, и я лишь немного утомился. Можно, я у тебя заночую? А утром отправлюсь дальше.

— Да, милый. А разве ты не хочешь снова увидеть, как танцуют ангелы?

— Ангелы? Да, конечно, хотел бы — если бы я смог вновь превратиться в маленького мальчика!

— Мы давно с тобою не видались, — вновь заговорил крестный. — Ты так изменился, ты стал таким красивым, в твоих глазах снова доброта и мягкость, как в прежние времена, когда твоя матушка еще была жива. И ты хорошо сделал, что навестил меня!

Странник в рваных одеждах обессиленно поник рядом со своим другом. Еще никогда не ощущал он такой усталости, а благостное тепло и мерцание огня совсем затуманили ему голову, и он не мог уже ясно отличить прошлое от настоящего.

— Крестный, — сказал он, — я плохо себя вел, и мама опять плакала. Поговори с ней, скажи ей, что я снова стану хорошим. Поговоришь?

— Да, — ответил крестный, — ты только успокойся, она ведь любит тебя.

Огонек в камине начал угасать, и Август смотрел не отрываясь на его слабое красноватое мерцание, как когда-то, в далеком детстве, и крестный положил его голову к себе на колени, и пленительная, торжествующая музыка, нежная и прекрасная,

наполнила сумрачную комнату, и в воздухе замелькали тысячи сияющих легкокрылых ангелочков и закружились, причудливо сплетаясь в пары и целые хороводы. И Август смотрел и слушал, и вся его нежная детская душа распахнулась навстречу вновь обретенному раю.

Внезапно ему почудилось, будто матушка позвала его, но он слишком устал, да к тому же крестный ведь обещал ему, что он поговорит с нею. А когда он уснул, крестный сложил ему руки на груди и все прислушивался к его умиротворенному сердцу, пока в комнате не воцарилась полная тьма.

Герман ГЕССЕ.

Перевод И. Алексеевой. Ertekiler